

Оригинальная статья

УДК 330.59, 339.562, 366.44

JEL E21, E31, F14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530

EDN PWNPRV

Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни

Алефтина Александровна Гулюгина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Аннотация

В статье целью является анализ продовольственной импортозависимости продукции внутреннего потребления в России в условиях санкционного давления и факторов, образующих ценовые риски в сфере уровня жизни. Методология исследования опирается на методологические положения российской статистики и Доктрины продовольственной безопасности РФ. Основные информационные источники – данные Росстата, таможенной статистики, Россельхознадзора, Банка России, ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций). В статье рассмотрены изменения в исследуемой области с 2014 г. на основе показателя продовольственной импортозависимости – расчётного индикатора, определяющего роль мирового рынка в формировании продовольственных ресурсов страны. Уровень импортозависимости отдельных видов социально значимой продукции рассчитан на базе статистических балансов товарных ресурсов потребительских товаров. Расчёты показали, что он отличается от показателя самообеспечения (регулируемый индикатор продовольственной безопасности) как по уровню, так и по динамике. Выявлены разные их сочетания по вектору динамики – снижение уровня импортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения, повышение первого показателя при снижении второго, повышение первого показателя на фоне роста второго. Обосновано, что недостаточно оценивать процессы трансформации по агрегированным видам продукции – важен детализированный подход к расширенному её составу. В статье показано, что вследствие глобальных проблем мирового продовольственного рынка в последние годы сформировался устойчивый фактор риска для уровня жизни из-за ускоренного роста мировых цен, а также в связи с ростом курса доллара США. Определено, что базовая импортируемая инфляция, рассчитанная по цене товара импорта в рублевом эквиваленте, оказывает влияние на индексы потребительских цен продовольственного рынка, оно уменьшается в условиях снижения уровня импортозависимости. По результатам исследования предлагается включить показатели импортозависимости и импортируемой инфляции в состав индикаторов продовольственной безопасности, что позволит более глубоко оценивать её состояние и напряжённые для уровня жизни населения направления.

Ключевые слова: мировой продовольственный рынок, импортируемая инфляция, продовольственная импортозависимость, продовольственная независимость, продукция импорта, риски, уровень жизни, уровень импортозависимости, уровень самообеспечения

Для цитирования: Гулюгина А.А. Продовольственная импортозависимость России: трансформация в условиях санкций и ценовые риски уровня жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 518–530. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530 EDN PWNPRV

RAR (Research Article Report)

JEL E21, E31, F14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530

Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards

Aleftina A. Gulyugina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Abstract

This article aims to analyze Russia's dependence on food imports for domestic consumption in the context of sanctions and factors creating price risks affecting living standards. The research methodology is based on the principles of Russian statistics and the Russian Federation's Food Security Doctrine. The primary sources of information include data from Rosstat, customs statistics, Rosselkhoznadzor, the Bank of Russia, and the FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). This article examines changes in the study area since 2014 using the food import dependence indicator – a calculated indicator that determines the role of the global market in shaping a country's food resources. The level of import dependence for certain types of socially significant products was calculated using statistical balances of consumer goods. Calculations showed that it differs from the self-sufficiency indicator (an adjustable indicator of food security) in both level and dynamics. Various combinations of these dynamics are identified: a decrease in import dependence amidst rising self-sufficiency, an increase in the former indicator amidst a decline in the latter, and an increase in the former indicator amidst a rise in the latter. It is substantiated that assessing transformation processes based on aggregated product types is insufficient; a detailed approach to their broader composition is essential. The article demonstrates that, as a result of global problems in the global food market in recent years, a persistent risk factor for living standards has emerged due to the accelerated growth of global prices, as well as the appreciation of the US dollar. It was determined that core imported inflation, calculated based on the ruble equivalent of the imported product, influences consumer price indices in the food market, decreasing as import dependence declines. The study suggests including import dependence

and imported inflation indicators in food security indicators, allowing for a more comprehensive assessment of its status and the areas that pose challenges to the population's standard of living.

Keywords: global food market, imported inflation, food import dependence, food independence, imported products, risks, standard of living, level of import dependence, level of self-sufficiency

For citation: Gulyugina A.A. Russia's Food Import Dependence: Transformation Under Sanctions and Price Risks to Living Standards. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):518–530. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_2_518_530 (In Russ.)

Введение

Продовольственная импортозависимость, связанная с целями и задачами продовольственной безопасности России, является элементом механизма создания условий для «реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путём гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения», в том числе за счёт достаточного продовольственного обеспечения в объёмах, необходимых для активного и здорового образа жизни¹. Вектор развития продовольственной импортозависимости определяется национальными целями, установленными Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и предусматривающими сокращение доли импорта товаров и услуг в структуре валового внутреннего продукта, увеличение объёма производства продукции агропромышленного комплекса, создание условий для технологической независимости продовольственной безопасности. Принятый в стране курс на усиление независимости от импорта повышает актуальность данного направления исследований, практический и научный интерес к состоянию дел в этой области и социальным рискам.

Исследования отечественных и зарубежных учёных сфокусированы на вызовах глобальной и страновой продовольственной безопасности, их проявлениях в социальной сфере. Так, например, Л.С. Ревенко, О.И. Солдатенкова, Н.С. Ревенко считают, что вызовы в сфере продовольственной безопасности определяются её двойственным характером – с одной стороны, от их решения зависят благосостояние людей на локальном уровне жизни и их социальная активность в обществе, а с другой стороны, им придают глобальный характер «ограниченность мировых природных ресурсов для производства продовольствия, высокие темпы прироста численности населения мира и его урбанизации, а также политические кризисы и войны» [1, с. 56].

В докладе Всемирного экономического форума [2, с. 57] подчёркивается, что для глобальной продовольственной безопасности риски создаются ограниченными экономическими возможностями из-за наличия сложного комплекса других глобальных угроз (экономического спада, инфляции и др.), и они влекут за собой риски для уровня жизни значительной части населения во многих странах. Всемирный банк в своей работе «Food Security» выделяет в качестве основного источника продовольственного риска торговую политику, поскольку страны стали активно её использовать для удовлетворения внутренних потребностей, когда столкнулись с потенциальной нехваткой продовольствия в период пандемии COVID-19, а также обращает внимание на резкий рост мер торговой политики в отношении продовольствия в условиях украинского кризиса – по состоянию на апрель 2025 года 19 стран ввели 25 запретов на экспорт продовольствия, а 8 стран ввели 12 мер по ограничению экспорта [3, с. 4, 11].

В разных странах на импорт продовольствия неоднозначно влияет, как показывают в своей статье Wang Y., Sarkar A. [4], экономическое развитие, не оказывает существенного влияния тарифная политика, но дают определённый эффект численность населения и обеспеченность пахотными землями. Страны, против которых направлены барьеры, увеличивают, по мнению G. Felbermayr, H. Mahlkow, A. Sandkamp [5], экспорт и сокращают импорт, а благосостояние падает во всех странах.

К числу самых насущных продовольственных проблем специалисты относят климатические угрозы (глобальное потепление, дефицит воды и экстремальные погодные явления), полагая, что это «может вынудить крупнейших стран-экспортеров растениеводческой продукции вводить квоты и сокращать поставки на внешние рынки. При этом стоимость продовольствия, как ожидается, будет расти. Перебои в поставках продовольствия вследствие климатических катаклизмов уже наблюдаются по всему миру».²

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025).

² Глобальное изменение климата: вызовы и возможности для мировой торговли // Агроэкспорт: [сайт]. URL: <https://aemcx.ru/2020/05/26/глобальное-изменение-климата-вызовы/> (дата обращения: 25.05.2025).

Серьёзным вызовом для экономической доступности продовольствия учёные считают продовольственную инфляцию. На сильнейшее разбалансирование рынков и рост цен обращает внимание А.Н. Спартак [6, с. 11]. Динамика роста цен на зерновые культуры (ячмень, кукурузу, рис, пшеницу) и объясняющие факторы исследованы в работе авторов М. Kwas, А. Pascagnini, М. Rubaszek [7]. О значимом влиянии шоковых мировых цен на внутреннюю продовольственную инфляцию России говорится в работе Д. Крылова [8]. Рассматривая перенос обменного курса на потребительские цены, J. Ha, M. Marc Stocker, H. Yilmazkuday [9] отметили, что меры переноса, как правило, ниже в странах, которые сочетают гибкий режим обменного курса и обоснованные целевые показатели инфляции.

Обобщая сложившиеся в политическом и академическом дискурсе к началу 2020-х годов представления о влиянии санкций на продовольственную безопасность, В. Бартенев подчёркивает: «санкции неизбежно снижают общий уровень жизни и покупательную способность граждан подсанкционных стран и способствуют росту безработицы...» [10, с. 19–20]. А.В. Дрыночкин в статье [11, с. 90] обосновывает, что «попытки западных экспертов связать рост цен исключительно с проведением СВО несостоятельны», а Т. Ben Hassen, H. El Bilali в работе [12, с. 2] показывают, что украинский кризис произошёл в неудачное время, поскольку цены на продовольствие уже были высокими из-за сбоев в цепочке поставок, вызванных пандемией COVID-19, высоким мировым спросом, засухой и плохими урожаями в Южной Америке в предыдущем году, что спровоцировало панические закупки на уровне стран и отдельных граждан.

Ограниченная экономическая доступность продовольствия, вызванная высокими ценами на него, является ключевым фактором продовольственного кризиса, считает Г.В. Семёко [13], обращая внимание на глубокие структурные проблемы глобальной продовольственной системы, неопределённость перспективы изменения ситуации и высокую вероятность затяжного продовольственного кризиса. По итогам внешней торговли России в 2024 году А.Ю. Кнобель, А.С. Фиранчук пришли к выводу о том, что переориентация импорта завершилась, значительные объёмы товаров поступают через нейтральные страны, часто с формальным изменением страны-производителя [14, с. 2–3].

Проблематика импортозависимости находит отражение в работах учёных, направленных в том числе на их взаимосвязь с импортозамещением (например, А.М. Калинин [15], С.Н. Митяков,

Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова [16]); на оценивание импортозависимости региональной экономики (Г.А. Хмелева [17]); на вопросы продовольственной безопасности сельскохозяйственного сектора (В.Г. Закшевский, И.П. Богомолова, И.Н. Василенко, Д.В. Шайкин [18]). В целом характерным для исследований является применение общих показателей товарного импорта и/или показателей продовольственного самообеспечения агрегированных видов продукции. За рамками остаётся ситуация по конкретной продукции, которая имеет свои особенности, а также ценовые риски уровня жизни населения.

Объектом настоящего исследования являются потребители продовольствия и сельскохозяйственного сырья, *предмет исследования* – социально-экономические, включая управленческие, отношения между субъектами продовольственной импортозависимости страны по поводу её обеспечения.

Цель работы – анализ продовольственной импортозависимости продукции внутреннего потребления России в условиях санкционного давления и факторов, образующих ценовые риски в сфере уровня жизни.

Задачи исследования

1. Анализ общей динамики продовольственного импорта в условиях санкций как компоненты структуры товарного импорта России.
2. Определение уровня продовольственной импортозависимости основных видов потребляемой продукции и его анализ в сопоставлении с уровнем самообеспечения в динамике.
3. Выявление индикаторов базовой импортируемой продовольственной инфляции в сопоставлении с ценами потребительского рынка.
4. Определение импортозависимых ценовых рисков уровня жизни населения.

Гипотезы исследования:

- 1) уровень продовольственной импортозависимости неуклонно снижается в условиях роста уровня самообеспечения продукции;
- 2) индекс потребительских цен на продукцию в условиях низкого уровня импортозависимости меньше, чем импортируемая инфляция, а при относительно высоком уровне импортозависимости он выше.

Теоретические и методологические положения

Методология исследования опирается на методологические положения российской статистики и Доктрины продовольственной безопасности. Для понятия «импортозависимость» единого определения не выработано. Тем не менее, в своих исследованиях учёные рассматривают его в еди-

ном ключе. Так, А.М. Калинин подчёркивает, что импортозависимость «является характеристикой объекта, отражающей использование импорта в соответствующей сфере (на рынке, в производственной деятельности, в потреблении)», и обращает внимание на то, что «речь идёт о доле импортных товаров» [15, с. 21]. В своей работе С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова отмечают: «уровень импортозависимости измеряется показателем..., который отражает, какую часть потребляемой продукции составляет импорт...» [16, с. 78].

В настоящей работе продовольственная импортозависимость рассматривается применительно к внутреннему потреблению продукции импорта (без учёта экспорта) с использованием показателя уровня импортозависимости, который рассчитан как доля продукции импорта во внутреннем потреблении (производственное, реализация (продажа) населению) на базе статистических балансов товарных ресурсов потребительских товаров. Сопоставление уровня импортозависимости с уровнем самообеспечения, который является регулируемым индикатором продовольственной независимости³, позволяет оценить два взаимодополняющих аспекта продовольственной безопасности и их значимость.

За низкий показатель импортозависимости в работе принимается уровень не более 5%, а за относительно высокий 20% и выше, исходя из пороговых значений продовольственной независимости и фактически достигнутого уровня самообеспечения по видам продукции.

В последние два десятилетия процессы глобализации способствуют распространению инфляционных волн по всем странам мирового хозяйства, на это обращает внимание А.Ю. Давыдов [19]. При этом активными являются два канала передачи инфляционных импульсов, первый из которых прямой, когда рост внутренних цен на товары одной страны через экспортные цены перекладывается на внутренние цены другой; второй – также через механизм экспортных цен, однако первоначальный импульс даёт повышение валютного курса страны-экспортёра. В последние годы доллар США дорожает по отношению к валютам стран-партнёров, что отражается на динамике их внутренних цен, стимулируя инфляционные процессы в этих странах.

Под «риском» уровня жизни населения понимается определение, сформулированное В.Н. Бобковым, А.А. Гулюгиной, Е.В. Одинцовой [20, с. 62]: «угрожающая потреблению населения опасность неблагоприятных последствий в его ресурсной

обеспеченности и доступности потребительских благ с вероятным негативным вариантом развития в условиях осуществления суверенизации страны и концентрации ресурсов для противодействия угрозам её существования».

Под импортозависимыми ценовыми рисками уровня жизни понимаются риски, которые образуются под влиянием уровня и динамики цен на товары импорта в рублевом эквиваленте по официальному курсу доллара США. Изменение цен в этом измерении определяет введённое в рамках исследования понятие «базовая импортируемая инфляция».

Данные и методы работы

Информационную основу для проведения исследования составили данные Росстата, Федеральной таможенной службы России (ФТС России), Банка России, информационной системы «Аргус-Фито» Россельхознадзора, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых наций).

Основные привлечённые для проведения исследования показатели: общий объём продовольственного импорта (в долл. США); уровень самообеспечения основной продукции; минимальные пороговые значения продовольственной независимости; данные статистических балансовых расчётов товарных ресурсов потребительских товаров в натуральном измерении; цены продукции импорта в долл. США; среднегодовой курс Банка России руб./долл. США; цены российского продовольственного рынка; мировые цены на основные виды продовольствия; показатели потребления и располагаемых ресурсов домашних хозяйств.

Исследование проводится на уровне Российской Федерации. Период исследования – 2014–2024 гг. Частично официальные данные ограничены 2021 годом в связи с прекращением публикации.

В работе используются экономико-статистические методы исследования – структурного анализа, группировки, индексный, сопоставлений.

Результаты исследования

На межстрановом уровне применяемый для международных сопоставлений продовольственного импорта показатель товарного импорта определяется как «*пищевые продукты, напитки, табак*». У большинства стран мира он занимал в национальных структурах товарного импорта по данным за 2021–2022 годы не более 10% (2021–2022 гг.), как и в России (9,5%, 2021 г.). Наименьшее значение показывала Индия (1,5%, 2022 г.), наибольшее – Эфиопия (18,9%, 2021 г.). В экономически развитых странах, которые одно-

³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025).

временно соответствуют двум признакам – более высокому, чем в России, валовому внутреннему продукту по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу, и сравнительно высокой продолжительности жизни (не менее 80 лет) – доля продовольственного импорта была несколько ниже, чем в России.⁴

Российская государственная статистика выделяет 9 групп товарного импорта, в составе которых учитывается в том числе компонента «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного)»⁵. По данным ФТС России в 2024 г. её доля составила 13,3% (-0,6 п.п. к 2014 г.) и уступала только таким позициям как машины, оборудование и транспортные средства (52,0%) и продукция химической промышленности, каучука (18,9%).

Резкое падение стоимостного объёма продовольственного импорта было зафиксировано после введения антироссийских санкций в 2015 г. (-33,3%), а дальнейшее снижение в 2016 г. привело к минимальному для периода 2014–2024 гг. уровню (25,1 млрд долл. США) (рисунок 1). В последующие годы санкционное давление не имело столь серьёзных последствий для продовольственного импорта. Более того, несмотря на усиление санкций, сформировалась тенденция роста стоимостного объёма. С 2019 г. показатель вышел на уровень 30 млрд долл. США, а в 2024 г. достиг 37,7 млрд долл. США, что лишь на 5,6% уступало показателю 2014 г. При этом доля продовольственного импорта в общем объёме товарного импорта оставалась не ниже 11,6% при максимальной для периода 14,6%.

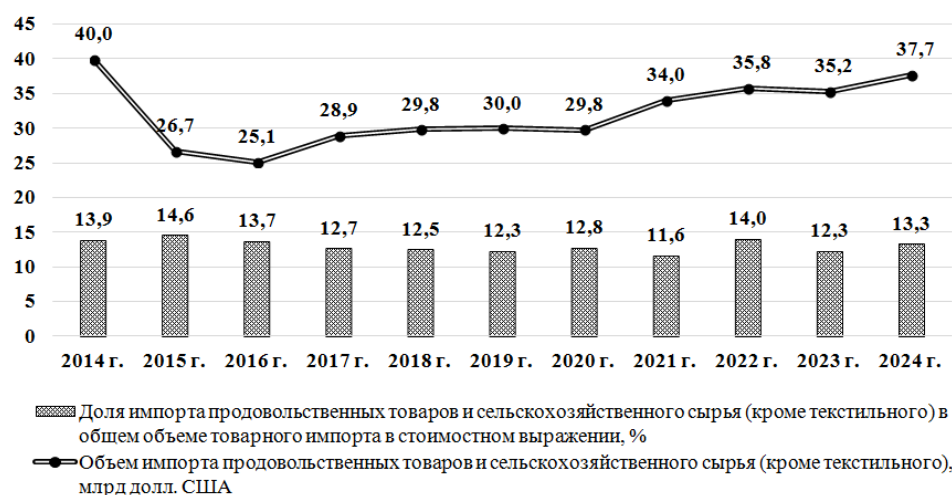

Рисунок 1. Объём импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) и его доля в общем объёме товарного импорта. Россия. 2014–2024 гг.

Figure 1. Volume of Imports of Food Products and Agricultural Raw Materials (Except Textiles) and its Share in the Total Volume of Commodity Imports. Russia. 2014–2024

Источник: данные ФТС России⁶.

В розничной торговле доля поступлений продовольственных товаров по импорту заметно

⁴ Россия и страны мира. 2024: Стат. сб./Росстат. М., 2024. С. 57–58, 113–114, 141–146, 380–381.

⁵ Товарная структура импорта включает: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного); минеральные продукты; продукция химической промышленности, каучук; кожаное сырьё, пушнина и изделия из них; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; текстиль, текстильные изделия и обувь; металлы, драгоценные камни и изделия из них; машины, оборудование и транспортные средства; прочие товары. Источник: Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 04.05.2025).

⁶ Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 15.06.2025); Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.

снизилась после 2014 г. (34%), но не опускалась до 2022 г. ниже 23% (последние опубликованные данные)⁷. С 2020 г., когда из-за коронавирусной пандемии стала меняться внешнеторговая политика стран в пользу укрепления национальной продовольственной безопасности, в России ситуация с импортозависимостью формировалась в условиях роста уровня самообеспечения. В результате по итогам 2024 г. у таких товарных групп как мясо и мясопродукты, а также рыба и рыбопродукты уровень самообеспечения оставался выше 100% (таблица 1). В то же время у некоторых товарных групп – таких как молоко с молокопродуктами, овощи и продовольственные

⁷ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.

бахчевые культуры, фрукты и ягоды – уровень самообеспечения в 2024 г. был по-прежнему ниже порога продовольственной независимости, а по картофелю из-за сокращения по сравнению с предыдущим годом вновь оказался ниже порогового

значения. Целевые показатели по овощам и продовольственным бахчевым культурам только к 2030 г. предусматривают достижение порогового уровня, а по молоку и молокопродуктам, фруктам и ягодам он не будет достигнут и в 2030 г.

Таблица 1

Уровень самообеспечения отдельных видов продовольствия, %. Россия

Table 1

Level of Self-Sufficiency in Individual Types of Food, %. Russia

	Годы					2024/ 2020 гг.	Порог: не ме- нее	Целевые по- казатели	
	2020	2021	2022	2023	2024			2025	2030
Мясо и мясопродукты	100,1	99,7	101,8	101,7	101,9	+1,8	85	85	85
Рыба и рыбопродукты	138,1	135,5	145,8	130,5	125,4	-12,7	85	85	85
Молоко и молокопродукты	84,0	84,3	85,7	86,0	84,7	+0,7	90	86,3	88
Яйца	97,4	98,2	98,0	98,6	97,1	-0,3	-	-	-
Картофель	89,2	88,7	94,5	101,0	92,0	+2,8	95	95	95
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	86,3	86,5	88,5	89,1	88,6	+2,3	90	89,2	90
Фрукты и ягоды	42,4	44,4	47,3	44,6	43,1	+0,7	60	46,7	50

Источники: ⁸.

Несмотря на существующие различия система самообеспечения в целом продемонстрировала устойчивость к усилению санкционного давления после начала специальной военной операции (СВО) – динамика фактического уровня самообеспечения до 2024 года оставалась в целом в рамках сложившихся тенденций.

За показателями самообеспечения агрегированных видов продовольствия скрывается неоднородное положение продукции расширенного состава. Расчёты показывают, в 2021 г. (последний

год в опубликованных статистикой балансах товарных ресурсов потребительских товаров) при групповом уровне самообеспечения мяса и мясопродуктов 99,7% (85% порог независимости) показатель говядины (78,0%) был существенно ниже, но в то же время полное самообеспечение было достигнуто по свинине (105,5%) и мясу птицы (100,8%) (таблица 2). По молоку и молокопродуктам с групповым уровнем самообеспечения 84,3%, он был значительно ниже у сыра, сухого молока и сливок, масла животного.

Таблица 2

Уровень продовольственной импортозависимости и уровень самообеспечения отдельных видов продукции импорта. Россия. 2014–2021 гг.

Table 2

Level of Food Import Dependence and Level of Self-Sufficiency of Individual Types of Imported Products. Russia. 2014–2021

	Годы				2021/2014, п.п.
	2014	2019	2020	2021	
1. Снижение импортозависимости, рост самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Мясо и мясопродукты					
Свинина, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	16,7	2,6	0,2	0,3	-16,5
-уровень самообеспечения, %	84,3	100,8	105,3	105,5	+21,2
Мясо птицы, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	10,3	4,5	4,6	4,9	-5,4
-уровень самообеспечения, %	91,6	99,5	102,0	100,8	+9,2

⁸ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025); Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 08.09.2022 г. № 2567-р (ред. от 07.02.2025); Потребление основных продуктов питания населением–2025 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 15.10.2025).

Окончание Таблицы 2

	Годы				2021/2014, п.п.
	2014	2019	2020	2021	
Говядина, включая субпродукты					
-уровень импортозависимости, %	57,4	33,4	29,0	25,5	-31,9
-уровень самообеспечения, %	42,7	67,5	73,0	78,0	+35,3
Молоко и молокопродукты					
Масла животные					
-уровень импортозависимости, %	34,8	28,4	29,9	28,7	-6,1
-уровень самообеспечения, %	68,4	72,0	72,6	71,1	+2,7
Сухие молоко и сливки					
-уровень импортозависимости, %	50,3	41,5	33,0	30,5	-19,8
-уровень самообеспечения, %	53,9	56,5	67,6	70,2	+16,3
Сыры					
-уровень импортозависимости, %	38,1	30,9	30,7	31,0	-7,1
-уровень самообеспечения, %	64,5	72,1	72,4	72,2	+7,7
2. Рост импортозависимости, снижение самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Крупа					
-уровень импортозависимости, %	0,53	0,26	0,42	1,19	+0,7
-уровень самообеспечения, %	101,1	102,9	103,1	100,9	-0,2
3. Рост импортозависимости, рост самообеспечения (2021/2014 гг.)					
Мука					
-уровень импортозависимости, %	0,91	0,91	0,60	1,13	+0,2
-уровень самообеспечения, %	100,0	103,0	102,4	102,3	+2,3

Источники: расчёты автора на основе данных⁹. Уровень самообеспеченности соответствует методике определения показателя Доктрины продовольственной безопасности РФ.

Как видно из таблицы 2, в рассматриваемом перечне продукции уровень импортозависимости в 2021 г. варьировал от 0,3% (свинина) до 31,0% (сыр) и был либо низким (не более 5%), либо относительно высоким (20% и более). При этом образовались три группы, различающиеся по сочетанию векторов динамики показателей импортозависимости и самообеспечения. Группа 1 включает в себя продукцию со *снижением* уровня импортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения. Товары-представители – мясная продукция (свинина, птица, говядина) и молочная продукция (сыры, масла животные, сухое молоко и сливки). Группа 2 определяется *ростом* уровня импортозависимости на фоне снижения уровня самообеспечения (товар-представитель – крупа). Группа 3 характеризуется *ростом* уровня импортозависимости в условиях роста уровня самообеспечения (товар-представитель – мука). То есть импортозависимость продукции и самообеспечение продукции характеризуют не равнозначные процессы в формировании продовольственных ресурсов.

⁹ Балансы товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13272> (дата обращения: 05.04.2025).

Важной стороной продовольственного импорта являются потенциальные риски для уровня жизни населения, образующиеся под влиянием цен на социально значимую продукцию. В долларах США вектор цен на товары импорта в 2021/2014 гг. сложился неоднозначным (таблица 3). Так, цены снизились в долларах США, например, на мясо птицы, масло сливочное, картофель, но выросли на рыбу, макаронные изделия. Пересчёт цен в рублевый эквивалент по данным Банка России о среднегодовом курсе рубля к доллару США, который вырос до 73,65 руб./долл. США в 2021 г. (+94,0% к 2014 г.), показал, что товары продовольственного импорта в рублевом эквиваленте подорожали. В целом цены выросли в 1,5 и более раз, при этом значительно (в 2 и более раз) они увеличились на макаронные изделия, рыбопродукты, т.е. на товарные группы, у которых был отмечен рост цен в долларах США.

На продовольственном рынке цены на товары-представители выросли в 2021/2014 гг., несколько меньше (рост в 1,4–2,0 раза). При этом при низкой импортозависимости и высоком уровне самообеспечения (мясо птицы, рыба с ры-

бопродуктами, мука) индекс потребительских цен был ниже, чем базовая импортируемая инфляция. Например, у мяса птицы (в 2021 г. уровень импортозависимости 4,9%, самообеспечения 100,8%) базовая импортируемая инфляция составила 186,9%, а индекс потребительских

цен 139,9%. И в то же время при высокой импортозависимости и низком самообеспечении, например, у масла сливочного (28,7% и 71,1%, соответственно), индекс потребительских цен (196,8%) был выше, чем базовая импортируемая инфляция (187,9%).

Таблица 3

Индикаторы базовой импортируемой инфляции отдельных видов продовольствия и индексы потребительских цен на товары-представители. Россия. 2014–2021 гг.

Table 3

Indicators of Core Imported Inflation of Individual Types of Food and Consumer Price Indices for Representative Goods. Russia. 2014–2021

	2014 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г., %
Мясо птицы свежее и мороженое			
•долл. США/тонна	1764	1700	96,4
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	67,0	125,2	186,9
•руб./кг (потребительские цены, куры охлажденные и мороженые)	120,5	168,6	139,9
Рыба свежая и мороженая			
•долл. США/тонна	2997	3090	103,1
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	113,8	227,6	200,0
•руб./кг (потребительские цены, рыба мороженая неразделанная)	99,6	189,0	189,8
Масло сливочное			
•долл. США/тонна	4882	4728	96,8
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	185,4	348,2	187,9
•руб./кг (потребительские цены, масло сливочное)	338,4	665,9	196,8
Картофель свежий или охлажденный			
•долл. США/тонна	555	420	75,7
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	21,1	30,9	146,8
•руб./кг (потребительские цены, картофель)	28,0	42,4	151,4
Макаронные изделия			
•долл. США/тонна	1379	1496	108,5
•тыс. руб./тонна (по курсу руб./долл. США)	52,4	110,2	210,4
•руб./кг (потребительские цены, макаронные изделия из пшеничной муки высшего сорта)	51,9	88,7	170,9
Среднегодовой курс руб./долл. США ¹⁾	37,97	73,65	194,0

¹⁾ По среднегодовому курсу руб./долл. США Банка России.
Источники:¹⁰.

На мировом продовольственном рынке индексы цен на основные виды продовольствия, согласно данным ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций), зафиксировали ускорение темпов роста цен с 2021 г. (рисунок 2). Сводный индекс цен (учи-

тывает цены на мясо, молочную продукцию, зерновые, растительные масла, сахар) в 2021–2024 гг. находился в диапазоне 122,0–144,4%, в том числе на мясо 107,5–118,3%, молочные продукты 119,6–149,5%, растительные масла 126,3–187,8%, зерновые 113,5–154,7%, сахар 109,3–145,0%. В 2024 г. отмечается понижение сводного индекса цен (-2,5 п.п.), что было обусловлено снижением индексов цен на зерновые и на сахар при одновременном росте индексов цен на мясо, растительные масла, молочную продукцию.

¹⁰ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.; Торговля в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.; Россия и страны мира. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020.; Россия и страны мира. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.; Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: 15.05.2025).

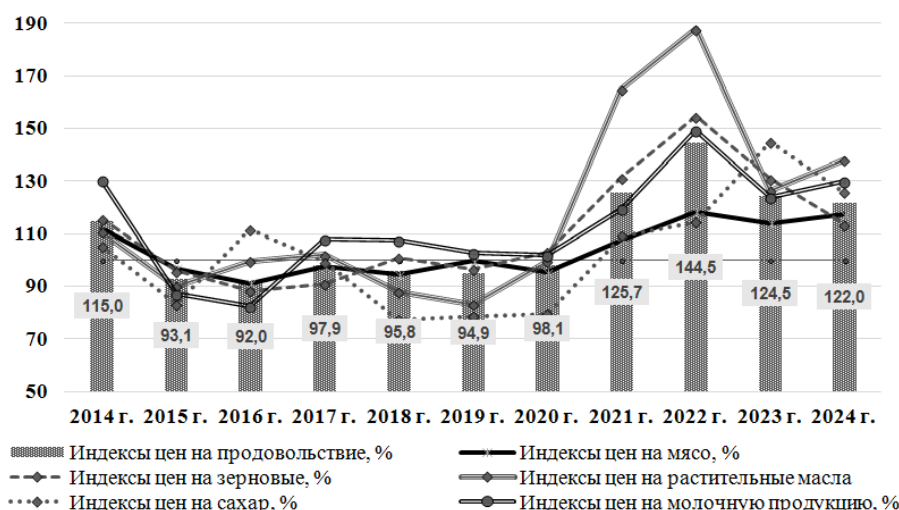

Рисунок 2. Индексы мировых цен в 2014–2024 гг., в %
Figure 2. World Price Indices in 2014–2024, in %

Источник: ¹¹.

В 2024 г. ослабляло напряжение на мировом продовольственном рынке снижение цен на топливо и удобрения, на морские перевозки, однако, вместе с тем, сохранялись риски, вызываемые экстремальными погодными условиями, логистикой, торговыми ограничениями. В 2025 г. по состоянию на май годовой индекс мировых продовольственных цен составил 127,7%, т.е. был выше, чем по итогам 2024 года. На говядину цены достигли нового исторического максимума под влиянием устойчивого мирового спроса и ограниченного экспортного предложения в основных странах-производителях. Также исторически вы-

сокая цена на сливочное масло поддерживается высоким спросом со стороны стран Азии и Ближнего Востока¹².

По номинальным ценам наиболее дорогими на мировом рынке являются говядина и телятина, сливочное масло, сыр (таблица 4). Ожидается, что к 2033 г. цены на всю основную продукцию (в долларах США) повысятся, кроме сахара рафинада. Особенно подорожает говядина и телятина (+27,3%), также более, чем на 10% повысятся цены на рыбу и морепродукты, цельное сухое молоко, сухое обезжиренное молоко, сыр, растительные масла.

Таблица 4
Мировые номинальные цены на отдельные продовольственные товары, USD/t

Table 4

World Nominal Prices of Selected Food Products, USD/t

	Мировые номинальные цены, USD/t			2033 г. к 2024 г., %
	2021–2023 гг. (факт)	2024 г. (оценка)	2033 г. (прогноз)	
Говядина и телятина	5289,0	4972,9	6331,2	127,3
Свинина	2801,7	2785,3	3049,2	109,5
Домашняя птица	1823,6	1806,2	1908,3	105,7
Рыба и морепродукты	3403,1	3321,4	3745,0	112,8
Цельное сухое молоко	3601,6	3096,2	3427,0	110,7
Сухое обезжиренное молоко	3300,2	2609,9	2963,6	113,6
Сывороточный порошок	1134,9	832,9	908,4	109,1
Сыр	4759,9	4398,6	4921,7	111,9
Сливочное масло	5258,3	4792,2	5193,8	108,4
Растительные масла	1230,5	1012,4	1151,5	113,7

¹¹ Положение с продовольствием в мире // ФАО: [сайт]. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru> (дата обращения: 25.05.2025).

¹² Food Security, Food Insecurity Statistics & Solutions // The World Bank.org: [website]. 25 April 2025. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

Окончание Таблицы 4

	Мировые номинальные цены, USD/t			2033 г. к 2024 г., %
	2021–2023 гг. (факт)	2024 г. (оценка)	2033 г. (прогноз)	
Пшеница	364,5	269,3	287,1	106,6
Кукуруза	267,6	204,0	218,0	106,9
Рис	439,4	464,3	466,5	100,5
Сахар	602,5	595,2	541,8	91,0

Источник: [21, с. 263].

В российских домохозяйствах фактическое потребление смещается в сторону продуктов, богатых белком – мясной, рыбной, молочной продукции, мировые цены на которые характеризуются как высокие, что важно с точки зрения импортируемой инфляции. Так, например, за последние 3 года (2024/2021 гг.) в домохозяйствах в среднем на потребителя выросло на 6,6% потребление мяса и мясопродуктов (производство мяса растёт, но в основном мяса птицы и свинины, а говядину приходится импортировать и её ввоз растёт¹³). Высоким (263 кг) по сравнению с другими продуктами является потребление молока и молочных продуктов, хотя и несколько понизилось за рассматриваемый период (-0,6%). В стоимости основных продуктов питания домашних хозяйств в 2024 г. наибольшие расходы пришлось именно на мясо с мясными продуктами (3269 руб. в среднем на члена домохозяйства в месяц) и на молоко с молочными продуктами (1770 руб.).¹⁴

К факторам, усиливающим напряжённость в сфере уровня жизни, относятся возросшие в последние годы темпы роста потребительских цен и курс рубля к доллару США. В частности, в 2024 г. сводный индекс цен на продовольственном рынке составил 111,1% и был выше, чем в предыдущие годы¹⁵, а курс рубля к доллару США в среднегодовом значении достиг 92,44 руб.¹⁶ В этих условиях у домохозяйств расходы на потребление в 2023/2021 гг. увеличились в среднем на члена домохозяйства на 27,1% при росте на 23,8% по рас-

полагаемым ресурсам¹⁷, что является признаком снижения их уровня жизни.

Заключение

Результаты исследования показали, что общая картина импортозависимости потребляемой продукции в условиях санкционного давления за период с 2014 г. существенно трансформировалась. Характерной является неоднозначная динамика импортозависимости разных видов продовольствия. В настоящее время доминирует тенденция снижения уровня продовольственной импортозависимости в условиях роста самообеспечения. Наряду с этим у отдельных видов продукции отмечается рост уровня импортозависимости как при снижении уровня самообеспечения (например, по крупе), так и в условиях роста самообеспечения (например, по муке). В обоих случаях рост уровня импортозависимости был связан с продукцией, уровень самообеспечения которых в 2021 г. превышал 100%. Это позволяет создавать страховой ресурс и наращивать объёмы экспорта продукции. Таким образом, гипотеза 1, состоящая в том, что уровень продовольственной импортозависимости неуклонно снижается в условиях роста самообеспечения продукции, не подтвердилась.

Импортозависимые ценовые риски формировались в последние годы (2021–2024) при неблагоприятном развитии ситуации с ценами на мировом продовольственном рынке и курсом доллара США. Среди социально значимой продукции наиболее дорогими по мировым ценам являются говядина и молочные продукты с относительно высокой импортозависимостью (20% и выше). Расчёты показали, что у такой продукции индекс потребительских цен выше, чем индикатор базовой импортируемой инфляции. Примером является масло сливочное с уровнем импортозависимости 28,7% (2021 г.),

¹³ Потребление мяса в России в 2024 году достигло 83 кг на человека // Интерфакс: [сайт]. 25 февраля 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1010715> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁴ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 15.05.2025).

¹⁶ Россия и страны мира. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020.; Россия и страны мира. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.; Сегодняшнее число // Коммерсантъ: [сайт]. 20 января 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7443585?ysclid=mcc6vht3p9966035055> (дата обращения 25.06.2025).

¹⁷ Уровень и структура расходов на потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.08.2025); Уровень и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.08.2025).

базовой импортируемой инфляцией 187,9%, индексом потребительских цен 196,8%. В то же время при низком уровне импортозависимости (не более 5%) индекс потребительских цен на продукцию меньше, чем индикатор базовой импортируемой инфляции. Примером является мясо птицы с уровнем импортозависимости 4,9% (2021 г.), базовой импортируемой инфляцией 186,9%, индексом потребительских цен 139,9%. Таким образом, подтвердилась гипотеза 2, состоящая в том, что индекс потребительских цен на продукцию в условиях низкого уровня импортозависимости меньше, чем импортируемая инфляция, а при относительно высоком уровне импортозависимости он выше.

Учитывая особенности механизма формирования и факторов влияния целесообразно показать импортозависимости включить в состав индикаторов продовольственной безопасности наряду с уровнем самообеспечения. При этом важен детализированный подход, предполагающий оценивание продовольственной безопасности на базе расширенного состава продукции. В условиях высоких мировых цен и ожиданий дальнейшего их роста особое значение приобретает показатель импортируемой инфляции в составе индикаторов продовольственной безопасности. В целом это позволит более глубоко оценивать состояние продовольственной безопасности и выявлять напряжённые сектора.

Список источников

1. Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Том 15. № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2022-15-4-54-65> EDN RCKWCT
2. The Global Risks Report 2024 // FSIN and Global Network Against Food Crises. The World Economic Forum. Switzerland: Geneva, 2024. 123 p. ISBN 978-2-940631-64-3 URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
3. Food Security // The World Bank. 25 April 2025. Washington: the World Bank, 2025. 21 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Wang Y., Sarkar A. Evaluating the influencing factors of food imports within belt and road initiatives (BRI) countries: An economic threshold model approach // Front. Sustain. Food Systems. 2022. Vol. 6. Art. 997549. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2022.997549>
5. Felbermayr G., Mahlkow H., Sandkamp A. Cutting Through the Value Chain: The Long-Run Effects of Decoupling the East from the West // Empirica. 2023. Vol. 50. P. 75–108. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09561-w>
6. Спартак А.Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35> EDN BPMQHS
7. Kwas M., Paccagnini A., Rubaszek M. Common factors and the dynamics of cereal prices. A forecasting perspective // Journal of Commodity Markets. 2022. Vol. 28(C). Art. 100240. <https://doi.org/10.1016/j.jcomm.2021.100240>
8. Крылов Д. Продовольственная инфляция в России и мировые цены на продукты питания / Серия докладов об экономических исследованиях. № 126. Банк России. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. 49 с.
9. Ha J., Marc Stocker M., Yilmazkuday H. Inflation and exchange rate pass-through // Journal of International Money and Finance. 2020. Vol. 105. Art. 102187. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102187>
10. Бартенев В. Влияние санкционного давления на продовольственную безопасность: традиционные и новые измерения // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2(63). С. 11–37. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-11-37> EDN CBOGWI
11. Дрыночкин А.В. Некоторые аспекты обеспечения продовольственной безопасности стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Современная Европа. 2023. № 1(115). С. 88–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072> EDN OSEEEC
12. Ben Hassen T., El Bilali H. Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? // Foods. 2022. Vol. 11. Issue 15. Art. 2301. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
13. Семёко Г.В. Мировой продовольственный рынок: современные вызовы и перспективы // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 1. С. 19–43. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> EDN ZUDPBH
14. Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С. Итоги внешней торговли в 2024 году, № 2(184) Март 2025 // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара: [сайт]. URL: <https://www.iep.ru/ru/doclib/mart/itogi-vneshney-torgovli-v-2024-godu-2-184-mart-2025-g.html?ysclid=mbeqnxrp1w194070402> (дата обращения: 25.05.2025).
15. Калинин А.М. Импортозависимость и импортозамещение в России: оценка на основе таблиц ресурсов и использования // Проблемы прогнозирования. 2024. №. 2(203). С. 21–33. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-21-33> EDN SQVDVA

16. Инструментарий оценки импортозамещения экономических систем различных иерархических уровней / С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, А.И. Ладынин, Т.М. Крюкова // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2(209). С. 74–85. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-74-85> EDN EHRTDJ
17. Хмелева Г.А. Динамика импортозависимости регионов России: сопротивление автаркии // *π-Economy*. 2024. Том 17. № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.18721/JE.17205> EDN NYRFCH
18. Продовольственная независимость России: современное состояние, риски безопасности, перспективные тренды / В.Г. Закшевский, И.П. Богомолова, И.Н. Василенко, Д.В. Шайкин // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Том 10. № 1. С. 9–28. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.1.116696> EDN BVZYAP
19. Давыдов А.Ю. Инфляция возвращается в Америку? // Россия и Америка в XXI веке. 2023. № 3. <https://doi.org/10.18254/S207054760026337-7> EDN SPZMGR
20. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/19999836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
21. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024-2033. OECD, Food and Agriculture Organization of the United Nations. Paris-Rome, 2024. 335 p. ISBN 978-92-64-72259-0 <https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en>

Информация об авторе:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук
(SPIN-код: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

1. Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. Global Food Problem: New Challenges for the World and Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2022;15(4):54-65. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65> (In Russ.)
2. The Global Risks Report. 2024. FSIN and Global Network Against Food Crises. The World Economic Forum. Switzerland: Geneva; 2024. 123 p. ISBN 978-2-940631-64-3 URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (date of access: 25.05.2025).
3. Food Security. The World Bank. 2025, April 25. Washington: the World Bank, 2025. 21 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-115-April-25-2025.pdf> (date of access: 25.05.2025).
4. Wang Y., Sarkar A. Evaluating the Influencing Factors of Food Imports within Belt and Road Initiatives (BRI) Countries: An Economic Threshold Model Approach. *Front. Sustain. Food Systems*. 2022;6,997549. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2022.997549>
5. Felbermayr G., Mahlkow H., Sandkamp A. Cutting Through the Value Chain: The Long-Run Effects of Decoupling the East from the West. *Empirica*. 2023;50:75-108. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09561-w>
6. Spartak A.N. Reshaping Russia's International Economic Cooperation amid Sanctions and New Challenges. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(4):9-35. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35> (In Russ.)
7. Kwas M., Paccagnini A., Rubaszek M. Common Factors and the Dynamics of Cereal Prices. A Forecasting Perspective. *Journal of Commodity Markets*. 2022;28(C),100240. <https://doi.org/10.1016/j.jcomm.2021.100240>
8. Krylov D. Prodovol'stvennaya Inflyatsiya v Rossii i Mirovye Tseny na Produkty Pitaniya. Seriya Dokladov ob Ehkonomicheskikh Issledovaniyakh. Bank of Russia. No. 126. Moscow: Central Bank of the Russian Federation; 2024. 49 p. (In Russ.)
9. Ha J., Marc Stocker M., Yilmazkuday H. Inflation and Exchange Rate Pass-Through. *Journal of International Money and Finance*. 2020;105,102187. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102187>
10. Bartenev V. The impact of Sanctions on Food Security: Traditional and New Dimensions. *Putik Miru i Bezopasnosti=Pathways to Peace and Security*. 2022;(2(63)):11-37. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-11-37> (In Russ.)
11. Drynochkin A.V. Some Aspects of Food Security in the Countries of Central and South-Eastern Europe. *Sovremennaya Evropa=Contemporary Europe*. 2023;(1(155)):88-99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072> (In Russ.)
12. Ben Hassen T., El Bilali H. Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? *Foods*. 2022;11(15),2301. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
13. Semeko G.V. World Food Market: Current Challenges and Prospects. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii=Economic and Social Problems of Russia*. 2023;(1):19–43. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> (In Russ.)
14. Knobel' A.Yu., Firanchuk A.S. Itogi Vneshnei Torgovli v 2024 godu. Mart 2025;(2(184)). Gaidar Institute for Economic Policy: [website]. URL: <https://www.iep.ru/ru/doclib/mart/itogi-vneshney-torgovli-v-2024-godu-2-184-mart-2025-g>

html?ysclid=mbeqnxrp1w194070402 (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)

15. Kalinin A.M. Import Dependence and Import Substitution in Russia: Assessment Based on Resource and Use Tables. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2024;35(2):171-179. <https://doi.org/10.1134/S10757007240200>

16. Mityakov S.N., Mityakov E.S., Ladynin A.I., et al. Toolset for Assessing the Import Substitution of Economic Systems at Various Hierarchical Levels. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(2):203-211. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700679> (In Russ.)

17. Khmeleva G.A. Dynamics of Import Dependence of Russian Regions: Resistance to Autarky. *π-Economy*. 2024;17(2):86-99. <https://doi.org/10.18721/JE.17205> (In Russ.)

18. Zakshevskiy V.G., Bogomolova I.P., Vasilenko I.N., et al. Russia's Food Independence: Current State, Security Risks and Promising Trends. *Prodovolstvennaâ politika i bezopasnost=Food Policy and Security*. 2023;10(1):9-28. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.1.116696> (In Russ.)

19. Davydov A. Inflation in the United States: Will it Come Back? *Rossiia i Amerika v XXI veke=Russia and America in the XXI century*. 2023;(3). <https://doi.org/10.18254/S207054760026337-7> (In Russ.)

20. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)

21. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024-2033. OECD, Food and Agriculture Organization of the United Nations. Paris: Rome; 2024. 335 p. ISBN 978-92-64-72259-0 <https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en>

Information about the author:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018).

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.